

УДК 811.161.1'38

Н.В. Меньяйло

СВОБОДНЫЙ КОСВЕННЫЙ ДИСКУРС КАК СПОСОБ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПЕРСОНАЖА В РОМАНЕ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА «В КРУГЕ ПЕРВОМ»

Н.В. МЕНЯЙЛО. ВІЛЬНИЙ НЕПРЯМИЙ ДИСКУРС ЯК ЗАСІБ ПСИХОЛОГІЧНОЇ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПЕРСОНАЖА В РОМАНІ О. СОЛЖЕНИЦІНА «У КОЛІ ПЕРШОМУ».

У статті проаналізовано приклади вільного непрямого дискурсу (ВНД) в романі О. Солженіцина «У колі першому», що характеризують образи персонажів. Розглянуто визначення цього типу оповіді та його мовленнєвого реалізатора – невластне прямого мовлення (НПМ). Відзначено монологічну природу такого дискурсу в межах діалогічного мікротексту, його поліфонію, що складається з окремих голосів персонажів-оповідачів під контролем автора, який втручається в чужу оповідь через філософські вставки, афористичні репліки, предметні ремарки, часто марковані іронічними елементами. Акцентується також на концептуальному компоненті ВНД, репрезентанти якого відповідно до авторських інтенцій та стратегії оповіді виявляються в НПМ героїв роману. Поряд із цим з'ясовується, що в межах лінгвостилістичного аналізу роману «У колі першому» відзначаються такі складники, як автобіографічний, тематичний, персонажний, концептуальний, текстологічний (мовленнєвий). Вони досліджуються з метою не лише розкриття специфіки словесно-естетичної та структурно-стилістичної організації твору, але й більш повного й точного розуміння його ідейно-художнього змісту. Це пов'язано й з авторською орієнтацією на розуміння читача та його асоціативне сприйняття, що ставить роман цього автора в коло найвидатніших у російській літературі. Зроблено висновок, що форма НПМ характеризує не лише внутрішній світ персонажа-оповідача, але й авторську стратегію оповіді та загалом ідіостиль письменника.

Ключові слова: О. Солженіцин, роман, персонаж, автор, оповідач, оповідь, ВНД, НПМ, монолог, психологічна характеристика.

Н.В. МЕНЯЙЛО. СВОБОДНЫЙ КОСВЕННЫЙ ДИСКУРС КАК СПОСОБ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПЕРСОНАЖА В РОМАНЕ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА «В КРУГЕ ПЕРВОМ»

В статье проанализированы примеры свободного косвенного дискурса (СКД) в романе А. Солженицына «В круге первом», характеризующие образы персонажей. Рассмотрено определение этого типа повествования и его речевого реализатора – несобственно-прямой речи (НПР). Отмечена монологическая природа такого дискурса в пределах диалогического микротекста, его полифония, состоящая из отдельных голосов персонажей-повествователей под контролем автора, вмешивающегося в чужое повествование посредством философских вставок, афористических реплик, предметных ремарок, которые часто маркированы ироничными элементами. Также делается акцент на концептуальном компоненте СКД, репрезентанты которого в соответствии с авторскими интенциями и стратегией повествования оказываются в НПР героев романа. Наряду с этим выясняется, что в пределах лингвостилистического анализа романа «В круге первом» фигурируют такие составляющие, как автобиографическая, тематическая, персонажная, концептуальная, текстологическая (речевая). Они исследуются с целью не только раскрытия специфики словесно-эстетической и структурно-стилистической организации произведения, но и более полного и точного понимания его идейно-художественного содержания. Это связано и с авторской ориентацией на понимание читателя и его ассоциативного восприятия, что ставит роман этого автора в число самых известных в русской литературе. Сделан вывод, что форма НПР характеризует не только внутренний мир персонажа-рассказчика, но и авторскую стратегию повествования и идиостиль писателя в целом.

Ключевые слова: А. Солженицын, роман, персонаж, автор, повествователь, повествование, СКД, НПП, монолог, психологическая характеристика.

N.V. MINIAYLO. FREE INDIRECT DISCOURSE AS A MEANS OF PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE HEROES IN THE NOVEL «IN THE FIRST CIRCLE» BY A. SOLZHENITSYN.

In the article examples of free indirect discourse (FID) in the novel «In the First Circle» by O. Solzhenitsyn, which characterize the heroes, are analyzed. The definition of this type of narrative and its free indirect speech (FIS) implementer is considered. The monologic nature of such discourse within the framework of dialogical microtext is noted, its polyphony consisting of individual voices of the narrator's characters under the the author's control, who intervenes in another's narrative through philosophical insertions, aphoristic cues, subject lines, often labeled with ironic elements. Emphasis is also placed on the conceptual component of the FID, which, according to the author's intentions and storytelling strategy, is represented in the IDS of the novel characters. In addition, it turns out that within the linguistic stylistic analysis of the novel «In the First Circle» are noted such components as autobiographical, thematic, personal, conceptual, textual (speech). They are investigated not only to reveal the specifics of the word-aesthetic and structural-stylistic organization of the work, but also to provide a fuller and more accurate understanding of its ideological and artistic content. This is due to the author's orientation to the reader's understanding and his associative perception, which places his novel among the most outstanding in the Russian literature. It is concluded that the form of the IDS characterizes not only the inner world of the narrator-character, but also the author's narrative strategy and, in general, the writer's idiosyncrasy.

Key words: O. Solzhenitsyn, novel, character, author, narrator, story, FID, IDS, monologue, psychological characteristic.

Для наиболее эффективного восприятия читателем авторских идей нужно создать специфическую речевую атмосферу, в которой первый почувствует себя словно действующим лицом, которое присутствует в диалогическом общении героев, наблюдает за событиями в произведении, испытывает внутренние переживания персонажей, понимает их речи и интенции. Такая атмосфера создается не только благодаря искусному владению писателем диалогической или монологической формами речи, но и благодаря переходам от аукториальной к персональной речи и наоборот, а также авторском вмешательству как субъекта всеведения в рассказ одного из персонажей.

Такие отношения между автором, персонажем и читателем были объектом исследований многих ученых – от М. Бахтина [3], В. Виноградова [4], которые уделяли внимание автору и его роли в повествовательной сфере художественного произведения, к А. Андреевой [1], О. Арзамовой [2], А. Гулаку [5], И. Ковтуновой [6], Н. Николиной [8], Е. Падучевой [9], О. Шкурской [12], которые рассматривали виды повествования (и в частности СКД) как средство характеристики и автора, и персонажей. Мы также присоединились к изучению идиостиля автора романа, исследуя творчество А. Солженицына в его речестилистической плоскости [5] и культурно-психологической [7].

При этом определяется, что в пределах лингвостилистического анализа романа «В круге первом» четко отмечаются такие составляющие, как автобиографическая, тематическая, персонажная, концептуальная, текстологическая (речевая). Они исследуются с целью не только раскрытия специфики словесно-эстетической и структурно-стилистической организации произведения, но и полного и точного понимания его идейно-художественного содержания.

Однако в рассматриваемом круге научных изысканий и проблем остаются мало исследованными особенности построения повествования в романе «В круге первом», проявляющие коррелятивные плоскости с определением специфики образа повествователя и психологической характеристикой образа действующих лиц романа. Поэтому целью данного исследования стал анализ особенностей свободного косвенного дискурса (далее – СКД) в названом романе А. Солженицына, которые характеризуют образы персонажей. В качестве задач можно определить выяснение соотношения авторского и персонального вещания в романе; выявление элементов концептуальной сферы, которые характеризуются в пределах СКД и соответствуют авторским интенциям; обнаружение корреляций между НПП и характеристикой внутреннего мира персонажа-повествователя.

В тексте романа «В круге первом» доминируют аукториальный нарратив, представленный экзегетическим повествователем, и СКД. В первом случае повествователем является автор, во втором он обнаруживает влияние разной степени на повествование очередного персонажа-повествователя, оставляя за собой функцию комментатора и автора вставных микротекстов, направленных на эпического читателя. О. Арзямова при этом отмечает наличие нескольких повествователей, сближение дискурсивных плоскостей повествователя и персонажа и персонализацию повествования [2, с. 173] с целью найти средства выделения внутренней речи на общем фоне размытия таких плоскостей, что с собственно языковой стороны, по словам Н. Николиной, заключается в функциональном разграничении различных средств оформления чужой речи, которое «связано с противопоставлением произнесенного / невысказанного выражения и его темпоральных характеристик (настоящее - прошлое)» [8, с. 271].

Е. Падучева определяет субъект СКД как функционально 1-е лицо. Это проявляется в возможности трансформации текста с формально 3-м лицом в форму прямой речи [9, с. 346]. Ср.:

Горела Александрийская библиотека. Горели, но не сдавались, летописи в монастырях. И сажал лубянский труб – сажал от сжигаемых бумаг, бумаг, бумаг – падала на эков, выводимых гулять в коробочку на тюремной крыше.

Может быть, великих мыслей сожжено больше, чем обнародовано... Если будет цела голова – неужели он не повторит?

Нержин тряхнул спичками, выбежал [10, с. 504].

Здесь данная трансформация может произойти с заменой личного местоимения *он* на *я*, что сразу изменит субъектную плоскость повествования и образует реплику прямой речи. Причем и предыдущий генеритивный блок, и препозитивное предложение в том же регистре вкладываются в общий контекст речи этого персонажа (идентифицируется в последнем предложении – репродуктивном блоке), несмотря на то, прямое оно или косвенное. В то же время чувствуется здесь и авторское влияние как субъекта всеведения, в частности афористическая формула «*Может быть, великих мыслей сожжено больше, чем обнародовано*» придает философское обобщение всему фрагменту.

Согласно дифференциации О. Шкурской СКД в зависимости от точки зрения, которая доминирует в повествовании, в этом фрагменте отмечаем преобладание внутренней точки зрения (передача внутренней речи героя, его размышлений) [12, с. 10], смысловым показателем которого является сам контент микротекста, а формальным – предложение «*Нержин тряхнул спичками, выбежал*», которое обозначает быстрое действие (показатель – акциональная рематическая доминанта, реализуемая через глаголы совершенного вида) после долгих и глубоких размышлений.

Ср. еще:

Он так и сказал раз Симочке: «Я действителен потому, что ненавижу действие». – «А что ж вы любите?» – спросила она с робостью. «Размышление», – ответил он. И действительно, спадал шквал работы – он часами сидел, почти не меняя положения, кожа лица его серела, старела, изрывалась морщинами. Куда девалась его уверенность? Он становился медленен и нерешителен [10, с. 32].

Этот фрагмент СКД соответствует иному типу, определенному О. Шкурской, – когда происходит конкуренция внутренней и внешней точек зрения (представлен в реактивном коммуникативном регистре – как правило, на фоне художественно-повествовательного, который организует авторское повествование), используется, главным образом, для выражения внутренней реакции героя на происходящие события [12, с. 10], поскольку показывает внутренние ощущения Симочки от восприятия ею Нержина. Это формально её информативное воспоминание (в форме конкретного диалога с вводной репродуктивной частью – аукториальной) и размышление (в форме внутренней речи с элементом риторического аутодиалога). Последний является описанием контрастной рефлексии Нержина на недеяние (*спадал шквал работы*), организованный комплексом автономных тема-рематических структур, объединенных в тексте общей тематической общностью – маркерами субъективации образа Нержина (местоимениями *он*, *его*), и соответствующей динамично-статальной рематической доминантой (глаголы с перфективной функцией *серела, старела, изрывалась, девалась, становился*).

Еще один тип СКД, представленный О. Шкурской, – это скрытая, или имплицитная, форма дискурса (преобладание внешней точки зрения рассказчика, на фоне которой лишь изредка можно заметить признаки внутренней точки зрения) [12, с. 10]. Ср.:

– ...Я, конечно, очень ценю ваши личные заслуги в науке артикуляции... (Издевается!)

– ...*Чертовски жалко, что ваша оригинальная монография напечатана засекреченным малым тиражом, лишаящим вас славы некоего русского Джорджа Флетчера... (Нагло издается!)* [10, с. 43].

Это полностью диалогический фрагмент, но реплики Яконова воспроизведены в актуальном времени Нержиным, через призму восприятия которого происходит повествование. Субъективными маркерами являются выделенные фразы в реактивном регистре, ведь это не воспоминание, а именно актуальное время события. В таком случае недосказанность фраз обозначает не так невнимательность или неуважение повествователя-Нержина к своему собеседнику, как его всеведение, что предполагает известность и незначительность информации, которая пропущена в тексте. Высказанная в выделенных модальных фразах оценка повествователя также является реакцией и на слишком высокий стиль речи Яконова (напр., оборот «*напечатана засекреченным малым тиражом, лишаящим вас славы*»), что в обращении к заключенному воспринимается как тонкое издевательство (также и сравнение с известным австралийским ученым-просветителем Дж. Флетчером).

Итак, в тексте романа «В круге первом» фрагменты СКД входят в общее повествование, проявляя различные связи. В таком случае возникает «двухсубъектное повествование» (по А. Андреевой), характеризующееся отсутствием в предикативных конструкциях личных местоимений или других языковых средств номинации, что обнаруживало бы связь с повествователем или персонажем, а следовательно, сближает их позиции [1, с. 11]. Чэнь Цзин комментирует этот процесс следующим образом: в понятии «несобственно-прямая речь» компонент «прямая» означает, что речь прямо (непосредственно) передает экспрессию чужого высказывания, компонент «несобственно» – что оно включается в авторскую речь. При этом автор передает мысли, настроение, переживания персонажей, из-за чего НПР следует понимать более широко. Формально же такие фрагменты вводятся в текст без всякого авторского сопровождения (ремарок и т. д.), а потому как бы растворяются в повествовании, образуя синтаксическое целое [11, с. 8-9].

В романе постоянно меняются плоскости повествования и происходят многочисленные переходы между различными ее типами. Так, с персональным повествованием, изображающим действительность с точки зрения каждого отдельного персонажа, связано повествование с точки зрения повествователя – непосредственного наблюдателя, а также субъекта всеведения. Ср.:

По какому-то праву, резко обозначив морщины у губ, спрашивал младший из двух, неудачник, а старший отвечал – застенчиво, будто стыдясь своей незатейливой биографии учёного: эвакуация, резэвакуация, работал три года у К..., защитил докторскую по топологии... До неучтивости рассеянный, Нержин не спросил даже темы диссертации из этой сухотелой науки, из которой сам когда-то выбирал курсовой проект. Ему вдруг стало жаль Веренёва...

<...> А как он попал в это ведомство? почему ушёл из Университета?.. Да направили... И нельзя было отказаться?.. Да отказаться можно было, но... Тут и ставки двойные... Есть детишки?.. Четверо... [10, с. 44].

В этом фрагменте в пределах НПР фиксируются элементы косвенной речи, но экспрессией характеризуются волюнтивные реплики повествователя-Нержина, а не его собеседника, чьи ответы (выделенные) проявляют определенную апатию, что помечается маркером недосказанности – тремя точками. Именно так они воспринимаются сквозь призму повествователя. Акцентируем, что эти краткие данные из биографии ученого отмечают главные вехи его военного и послевоенного периода жизни, а потому воспринимаются как предметная информативная доминанта, где даже определенные действия (*работал, защитил, направили*) опредмечиваются в условиях конкретного перечня.

Из описания этого разговора определяем авторские субъективные элементы: во-первых, это описание Нержина как требовательного собеседника-адресанта со своими жизненными оценкам (показатели – признак «*резко обозначив морщины у губ*», оценочный эпитет «*этой сухотелой науки*», вопрос «*нельзя было отказаться?*»); во-вторых, самокритичная характеристика этого образа как биографического («*неудачник*»); в-третьих, характеристика Веренёва как застенчивого и нерешительного человека (показатели – повторяющаяся частица *да*, акцентированный союз *но* в начале реактивных реплик), послушное поведение которого, возможно, объясняется постпозитивным признаком (*детишек четверо*), три точки после которого дают возможность читателю домыслить этот психологический образ.

НПР является одним из ведущих средств передачи внутреннего состояния героя, для чего используются конструктивно осложненные формы такого дискурса, строятся или как диалог персонажа с самим собой, или как диалог с отсутствующим собеседником. Ср:

Так отдаться в лапы осьминогу криптографии?... Четырнадцать часов в день, не отпуская и на перерывы, будут владеть его головой теория вероятностей, теория чисел, теория ошибок... Мёртвый мозг. Сухая душа. Что ж останется на размышления? Что ж останется на познание жизни?

Зато – шарашка. Зато не лагерь. Мясо в обед. Сливочное масло утром. Не изрезана, не ошпаривлена кожа рук. Не отморожены пальцы. Не валишься на доски замертво бесчувственным бревном, в грязных чунях, – с удовольствием ложишься в кровать под белый пододеяльник.

Для чего же жить всю жизнь? Жить, чтобы жить? Жить, чтобы сохранять благополучие тела?

Милое благополучие! Зачем – ты, если ничего, кроме тебя?... Все доводы разума – да, я согласен, гражданин начальник! Все доводы сердца – отойди от меня, сатана! [10, с. 46-47].

В этих размышлениях героя выделяем вопросы повествователя к себе, среди которых выделяются риторические по характеру, для которых отведен отдельный (третий) абзац. Далее идет более развернутый аутодиалог – с реактивными элементами как объяснением дальнейшего выбора Нержина. То есть в моральной оппозиции «ум – сердце» побеждает второе, хотя все жизненные аргументы (сведены к общему признаку *благополучие тела*) шли от первого, поскольку давали гарантию жизни. Но говорящий подвергает сомнению такую ценность (*жить, чтобы жить?*), олицетворяя ее как *осьминога* или *сатану* (в пределах афористичных формул).

Весь фрагмент внутренней речи героя имеет ощутимо экспрессивный характер, что создаётся при помощи: вопросительной и восклицательной интонации с повторяющимися синтаксическими конструкциями *что ж, для чего, чтобы*; предметной доминанты с повторяющимися частицами *не, зато*, реализованной в отдельных словосочетаниях; авторских эпитетов (*мёртвый мозг, сухая душа, бесчувственное бревно*); метафор («будут владеть его головой теория вероятностей, теория чисел, теория ошибок», «не валишься на доски замертво») и, наконец, воображаемой прямой речи в последнем абзаце, которая имеет определённого адресата в афористичных формулах «согласен, *гражданин начальник!*» и «отойди от меня, *сатана!*».

В рамках позиции всеведения изображение внутреннего мира персонажа может осуществляться двумя способами – от рассказчика и от персонажа. Ср.:

Снимая наушники, Яконов прервал Мамурина:

– Лучше, Яков Иванович, определёнno лучше! Хотелось бы Рубину дать послушать, у него ухо хорошее.

Кто-то когда-то, довольный отзывом Рубина, сказал, что у него ухо хорошее. Бессознательно это подхватили, поверили. Рубин на шарашку попал случайно, перебивался тут переводами. Было у него левое ухо как у всех людей, а правое даже приглушено фронтальной контузией, – но после похвалы пришлось это скрывать. Славой своего «хорошего уха» он и держался тут прочно, пока ещё прочней не окопался капитальной работой «Русская речь в восприятии слухо-синтетическом и электро-акустическом» [10, с. 56].

В этом фрагменте, который имеет полирегистровую структуру как организованный последовательно из репродуктивного, волюнтивного и информативного блоков, автор комментирует выражение «ухо хорошее» через характеристику Рубина, даже лично выделяя это выражение в тексте (в информативной части). Соответственно тема-рематическое строение этой части (микротекста) обнаруживает автономную структуру с общей текстовой доминантой, которая идентифицирует объект повествования (показатели *он, Рубин*), и статально-динамической рематической доминантой, образованной последовательностью перфективных и имперфективных глаголов *сказал, подхватили, поверили, попал, перебивался, пришлось скрывать, держался, окопался*.

В тексте романа эпизоды с внутренней речью персонажей могут подвергаться авторскому вмешательству (в форме короткого комментария или иронического замечания), но чаще они принадлежат исключительно персонажу-повествователю, что соответствует характеру персонального повествования. Ср.:

Образование!.. Что за путаница вышла с этим всеобщим семилетним, всеобщим десятилетним, с кухаркиными детьми, идущими в вуз! Тут безответственно напутал Ленин,

вот уж кто без оглядки сорил обещаниями, а на сталинскую спину они достались непоправимым кривым горбом. Каждая кухарка должна управлять государством! – как он себе это конкретно представлял? Чтобы кухарка по пятницам не готовила, а ходила заседать в Облисполком? Кухарка – она и есть кухарка, она должна обед готовить. А управлять людьми – это высокое умение, это можно доверить только специальным кадрам, особо отобранным кадрам, закалённым кадрам, дисциплинированным кадрам. Управление же самими кадрами может быть только в единых руках, а именно в привычных руках Вождя [10, с. 90-91].

Во фрагменте выделяем особенно характерные, по нашему мнению, выражения в речи Сталина. Наиболее реальными из них являются самоидентифицированные «на *сталинскую спину*» и «в *руках Вождя*» – сам правитель так публично себя называл. Наряду с этими признаками сама тема дискурса – противопоставление обычных людей (в афористическом образе кухарки и её детей) и «специальных» кадров (конечно, и главного кадра – его самого) – является вероятным объектом размышлений «вождя народа». Последовательность определений к существительному кадры (*специальные, отобранные, закалённые, дисциплинированные*) выявляет те черты, которые еще в допетровские времена определялись в государственной службе России как главные и обязательные. То есть этот внутренний монолог характеризует говорящего (Сталина) как уверенного в своей правоте тирана.

Главной стилистической чертой внутренней речи является её экспрессия, которая проявляется здесь в таких элементах, как препозитивная последовательность восклицательных предложений; сочетание с модальной функцией *что за, вот уж, как он себя это представлял?*; неоднократное эмфазное повторение существительного *кухарка* и его производных; метафорические конструкции – как традиционная стертая («сорил обещаниями»), так и свежая авторская («достались кривым горбом»), причем последняя образована точкой зрения повествователя-Сталина; афористические формулы – как известные («без оглядки сорил», «всеобщим семилетним [образованием]», «каждая кухарка должна [может] управлять государством»), так и условные (в соответствии со стилем речи повествователя: «на сталинскую спину достались», «управлять людьми – это высокое умение»).

Для большей субъективации и эмоциональности речи в пределы СКД включаются реплики воображаемого прямого вещания. Ср.:

Да если бы был у Ленина настоящий трезвый ум, он бы с первых дней ближе всех приблизил Сталина, он бы сказал: «Помоги! Я политику понимаю, классы понимаю – живых людей не понимаю!». А он не придумал лучше, как заслат Сталина каким-то уполномоченным по хлебу, куда-то в угол России. Самый нужный был ему в Москве человек – Сталин, а он его в Царицын послал... [10, с. 100].

Выделенная реплика присуща именно сталинской речи, авторская роль здесь заключается лишь во всеведении (что Сталин так мог сказать / подумать). С этим элементом прямой речи внутренние размышления приобретают живую экспрессию, что достигается также неоднократным повторения местоимения *он* с функцией повторяющейся темы в автономной тема-рематической структуре фрагмента и троекратным повторением собственного имени (фамилии) *Сталин*, что также свойственно речи (как внутренней, так и внешней) этого персонажа.

Отмечаем здесь также переход от условной семантико-синтаксической конструкции (показатель – модель «если бы ... – он бы ...») к реально прошлой (показатель – «он не придумал лучше, как заслат») и конечного результата этой разновременной ситуации – «он его в Царицын послал» (сочетание разносубъектных местоимений указывает на внутренний характер речи персонажа).

В качестве вывода можно отметить, что СКД характеризует не только внутренний мир персонажа-повествователя, но и авторскую стратегию повествования и идиостиль писателя в общем. При этом психологические черты этого действующего лица проявляются во внутреннем монологе, однако при наличии элементов прямой речи такие внутренние размышления достигают повышенной экспрессии. В концептуальном измерении отмечаем гуманистические черты положительных героев и антигуманные – отрицательных, которые проявляются в их внутренней речи – и не только в признаках общеизвестных, но и в сугубо индивидуальных. Авторское вмешательство в чужую речь придает повествованию дополнительные признаки, представленные в афористичных формулах и философских отступлениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Е. В. Речь героя и позиция автора в поздних рассказах А.П. Чехова: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Санкт-Петербург, 2004. 23 с.
2. Арзямова О. В. Особенности организации несобственно-прямой речи в русской новейшей художественной прозе. *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*. 2011. Вып. 8. С. 172-177. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/osobennosti-organizatsii-nesobstvenno-pryamoy-rechi-v-russkoy-noveyshey-hudozhestvennoy-proze>
3. Бахтин М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. Санкт-Петербург: Азбука, 2000. 336 с.
4. Виноградов В.В. Избранные труды. Язык и стиль русских писателей. От Гоголя до Ахматовой. М.: Наука, 2003. 390 с.
5. Гулак А.Т., Меняйло Н.В. О стилистической структуре повествования в романе А.И. Солженицына «В круге первом». *Русская филология. Вісник Харківського національного педагогічного університету імені Г.С. Сковороди*. 2018. № 1 (63). С. 9-14.
6. Ковтунова И. И. Проблема несобственно прямой речи в трудах В.В. Виноградова. *Вопросы языкознания*. 2002. № 1. С. 65-71.
7. Меняйло Н.В. Стилистико-речевое построение образа Спиридона Егорова в романе А.И. Солженицына «В круге первом». *Вестник Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды*. 2019. № 1 (67). С. 57-63.
8. Николина Н.А. Поэтика русской автобиографической прозы: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2002. 424 с.
9. Падучева Е.В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. М: Языки славянской культуры, 2010. 480 с.
10. Солженицын А.И. В круге первом: роман. М.: Наука, 2006. 796 с.
11. Цзин Чэнь. Прагматико-стилистические функции несобственно-прямой речи в современной публицистике: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.10. М.. 2006. 22 с.
12. Шкурська О.Б. Синтаксис прози Валентина Распутіна (комунікативно-структурний аспект) : атореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.02 / ХНПУ ім. Г.С. Сковороди. Х., 2007. 18 с.

REFERENCES

1. Andreeva E.V. Rech' geroya i poziciya avtora v pozdnih rasskazah A.P. Chekhova : avtoref. diss. ... kand. filol. nauk : 10.02.01. Sankt-Peterburg, 2004. 23 s.
2. Arzyamova O.V. Osobennosti organizatsii nesobstvenno-pryamoy rechi v russkoj novejshej hudozhestvennoj proze. Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. 2011. Vyp. 8. S. 172-177. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/osobennosti-organizatsii-nesobstvenno-pryamoy-rechi-v-russkoy-noveyshey-hudozhestvennoy-proze>
3. Bahtin M. Avtor i geroy: K filosofskim osnovam gumanitarnyh nauk. Sankt-Peterburg: Azbuka, 2000. 336 s.
4. Vinogradov V.V. Izbrannye trudy. YAzyk i stil' russkih pisatelej. Ot Gogolya do Ahmatovoj. M.: Nauka, 2003. 390 s.
5. Gulak A.T., Menyajlo N.V. O stilisticheskoy strukture povestvovaniya v romane A.I. Solzhenicina «V krughe pervom». *Russkaia filologiya. Viestnik Kharkovskogo natsionalnogo piedagogicheskogo univiersiteta imieni G.S. Skovorody*. 2018. № 1 (63). S. 9-14.
6. Kovtunova I.I. Problema nesobstvenno pryamoy rechi v trudah V.V. Vinogradova. Voprosy yazykoznaniya. 2002. № 1. S. 65-71.
7. Menyajlo N.V. Stilistiko-rechevoe postroenie obraza Spiridona Egorova v romane A.I. Solzhenicyna «V krughe pervom». Vestnik Har'kovskogo nacional'nogo pedagogicheskogo universiteta imeni G.S. Skovorody. 2019. № 1 (67). S. 57-63.
8. Nikolina N.A. Poetika russkoj avtobiograficheskoy prozy : uchebnoe posobie. M.: Flinta: Nauka, 2002. 424 s.
9. Paducheva E.V. Semanticheskie issledovaniya: Semantika vremeni i vida v russkom yazyke; Semantika narrativa. M: YAzyki slavyanskoy kul'tury, 2010. 480 s.
10. Solzhenicyn A.I. V krughe pervom : roman. M. : Nauka, 2006. 796 s. 11. Czin CHen'. Pragmatiko-stilisticheskie funktsii nesobstvenno-pryamoy rechi v sovremennoj publicistike : avtoref. diss... kand. filol. nauk : 10.01.10. M.. 2006. 22 s.
12. SHkurs'ka O.B. Sintaksis prozi Valentina Rasputina (komunikativno-strukturnij aspekt) : atoref. dis. kand. filol. nauk : 10.02.02 / HNPU im. G. S. Skovorodi. H., 2007. 18 s.

(Статья поступила в редакцию 10 февраля 2020 г.)

Меняйло Наталья Викторовна – аспирант Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды. ORCID ID: 0000-0002-4643-3309. E-mail: nvminyaylo@gmail.com